

ки, чтобы говорить о смене языка. Скорее речь может идти о новом этапе развития современного литературного языка. К тому же процессы установления языковой нормы, не завершившиеся ко времени возникновения школы «языкового существования», сейчас в основном завершены; теперь главная практическая задача японских лингвистов — поддержание и совершенствование нормы [см. 4]. Вряд ли следует сводить массовые обследования, перечисленные на с. 45, к изучению лексики; в них был получен обширный материал и по функционированию грамматических, а иногда и фонетических явлений. При описании омофонов в японском языке не сказано об ударе, которое различает многие из упомянутых на с. 18 омофонов. Но сам факт, что японские ученые не различивают собственно омофоны и квазиомофоны, различающиеся ударением, требует объяснения; ср. упоминание на с. 35 того, что первоначально в японской науке бытовало мне-

ние, согласно которому в японском языке удара нет.

Однако в целом книга С. В. Неверова дает хорошее представление о языковой ситуации в Японии и о школе «языкового существования».

Алпатов В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конрад Н. И. О «языковом существовании». — Японский лингвистический сборник. М., 1959.
2. Сибата Такэси. Сякай-гэнгогакуно кадай (Задачи социолингвистики). Токио, 1978.
3. Токизава Мотоки. Кокугогаку-гэнрон (Принципы японского языковедения). Токио, 1941, с. 125.
4. Neustupný J. V. Post-structural approach to languages. Tokyo, 1978, p. 163, 167.

Lunt H. G. The progressive palatalization of Common Slavic. — Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1981. 98 p.

Прогрессивная, или бодуэнова палатализация заднебных (далее — БП), которой посвящена работа Г. Ланта, по праву считается «вечной» проблемой славистики. Именно чуть более века назад — в 1879 г. — А. А. Потебня выдвинул первую гипотезу, трактовавшую ее как особое изменение (правда, пока еще не прогрессивное). Сегодня таких гипотез известно множество: особый случай йотации (А. А. Потебня, К. Кнутсон, Р. Экблом), прогрессивное воздействие высокого переднего гласного (И. В. Ягич), то же в ударном слове (И. А. Бодуэн де Куртене), то же перед ограниченным классом гласных (А. А. Шахматов), то же перед *j* (К. Бругман, Й. Миккола), прогрессивное межгласное взаимодействие (Ф. Мареш) и т. д.

Поскольку все эти гипотезы наталкиваются на многочисленные исключения, в толковании БП с давних пор не прерывается традиция, приводящая к синтезу прогрессивного воздействия с морфологической аналогией или даже к чисто морфологическим трактовкам изменения (Я. Отрембский, Й. Хамм).

Не порывая с этой традицией полностью, Г. Лант прежде всего стремится построить внутриуровневую модель. Такая установка заслуживает безусловного одобрения, тем более в исследовании, выполненном с позиций генеративной лингвистики, для которой характерна максимальная интегрированность фонологических процессов в морфологию.

К своему исследованию Г. Лант пришел от описательной старославянской грамматики [1] — путь, типичный для генеративиста. Он убежден, что «...отношения внутри одной и той же системы могут одновременно быть историческими и синхронными» (с. 7), хотя и отвергает

тезис об априорном тождестве порядка правил синхронного порождения и относительной хронологии соответствующих процессов. Генеративный анализ старославянского материала становится источником исходной, рабочей формулы БП $\text{Ci}(N)\text{-}\check{a}$ («после высокого переднего монофтонга или его сочетания с носовым сонантом перед нижним задним гласным»).

Эта формула закономерно приближается к наиболее популярной, максимально «позиционной» модели БП, выдвинутой А. А. Шахматовым. В аспекте относительной хронологии она соответствует другой концепции (Г. А. Ильинский и др.), так как предполагает эпоху до устранения праславянских дифтонгов, а значит, и до регрессивной свистящей палатализации заднебных (далее — СП). Вопрос об отношениях с регрессивной шипящей палатализацией (далее — ШП) пока остается открытым.

Далее следует первый цикл исследования (с. 13—25) — подробный анализ языкового материала в свете полученной формулы. Левое условие объясняет сохранение заднебного в трех случаях:

1) После *i*, для которого установлено (или хотя бы можно предположить) дифтонгическое происхождение: *великъ*, *еликъ*, *коликъ*, *толикъ*, *верига* (?), *мигъ*; суффикс *-(н)ик(ъ)*, который, по Ланту, следует отличать от *-иц(a)* с исконным монофтонгом; образования с префиксом *при-* (с. 17—18; 21; 65, примеч. 42; 70, примеч. 69). Обосновать консервативный характер позиции автор пытается при помощи гипотетических поверхностных репрезентаций *a? → ai*, *e? → ei*, первая из которых имеет типологические параллели (с. 19—20; 64, примеч. 40).

2) В *присага*, где $\xi \leftarrow *en$, в отличие от *завъць* и под., где $\xi \leftarrow *in$ (с. 22; 67, примеч. 56).

3) За счет еще большего увеличения возраста БП (до перегласовок после палатальных) — в *уго* ($\bar{i} \leftarrow *ju-$), *кънигы* (**kuŋŷg-*), а также в *ближика*, *ожика*, *горькъ*, *тѣжкъ*, *рѣжъка*, *пѣштыка*, *сколька*, *верига* (?), где реконструкция * $\bar{j}\bar{y}$ не общеприята (ср., например, [2]).

Правая позиция позволяет объяснить сохранение суффиксальных дериватов типа *льгъкъ*, *льгыны* (с. 15). На именное склонение в его двух основных типах это ограничение не распространяется, поскольку практически все раннепраславянские падежные формы сохраняли тематические гласные \bar{a} (с. 16). Таким образом, БП предшествовала и сужению $\bar{a} \rightarrow \bar{y}$ в конечном закрытом слоге (с. 22—23).

Самую сложную задачу — преодоление множества случаев, оставшихся за пределами формулы, — автор решает несколькими способами. Наиболее радикальный из них — строжайшее ограничение заслуживающего доверия материала канонических старославянских текстами; последних в указателе источников насчитывается всего пять — в три раза меньше, чем, например, у Р. М. Цейтлин [3].

Отождествив старославянский язык IX—XI вв. с поздним общеславянским, автор только в нем ищет отражение всех праславянских процессов. Прочие свидетельства, если и принимаются, то с большими оговорками. В результате отклоняются не только *ликъ* (представлено с XVII в.), *д(ѣ)визъ* (с XVI в.), но и *гьлькъ*, *къикъ* (с XII в.), *льгота* (с XI в.), *яригъ*, *коврига*, *чрѣмига*, *грѣкъ* (VII—IX вв.), а также фитоимы на *-ика*, для которых допускается IX в. (с. 19—21).

Для многих русских примеров (*старикъ*, *ножикъ*, *скачкъ*, *смычкъ*, *диал. атѣкъ* и др.) такая операция подкрепляется и гипотезой о массовом замещении суффиксов, сопоставляемом с вытеснением продуктов СП из именных парадигм (с. 18; 63, примеч. 30; 66, примеч. 49). С той же целью привлекается правило (восходящее, надо добавить, к А. Мейе) диссимилиации суффиксального согласного корневому (с. 66, примеч. 53).

Другой прием — просмотр существующих этимологий (см. выше) — иногда приводит к отрицанию самого исходного материала изменения: так, для *тризь* реконструируется (с. 19) и.-е. * $\bar{z}(h)$.

Не меньше затруднений представляют глагольные формы. Так, чтобы доказать предшествование БП относительно СП в императиве, Ланту приходится постулировать преобразование типа **ръцѣте* → *ръцѣте*, по аналогии с *мозѣте* и под. (с. 69, примеч. 64). Чтобы объяснить палатализацию после дифтонгического \bar{i} в итеративе *полмизати* — реконструировать (на основании косвенных данных) нулевую ступень чередования *meig-/*mig-*; для *въздвизати* не находится и косвенных данных, и автор апеллирует (с. 24) к морфологическому правилу старо-

славянского языка, без чего при иной хронологии можно было бы обойтись.

Впрочем, в целом морфологизация чередования в итеративах бесспорна; нельзя, в частности, не согласиться с аналогической трактовкой форм с корневыми плавными типа *намръцати*, а также девербатива *арьцало* (с. 24—25). Напротив, для *насмисание* и под. морфонологическая трактовка (с. 70, примеч. 71) отнюдь не обязательна; она вызвана тем, что автор вообще отрицает участие \bar{x} в БП (см. ниже).

Второй цикл исследования (с. 25—29) — более тщательный анализ хода изменения и его диахронических связей. Диахронический контекст устанавливается не через причинно-следственные связи, а на основе двух типологических параметров: прогрессивного и межслового характера взаимодействия. Первый параметр объединяет БП с генезисом \bar{x} и перегласовками после палатальных согласных, второй — с генезисом \bar{x} и падением редуцированных; оба параметра противопоставляют ее ШП, СП и т. д. Вывод: родственные процессы развивались очень рано или же после 1000 г., с явным предпочтением первой возможности (с. 25); сближение БП с генезисом \bar{x} усугубляется за счет приписывания агентом последнего общего признака /+высокий/ (с. 26). Следует отметить некорректность второй даты (1000 г.): речь должна идти не о результатах падения редуцированных, а его предпосылках (правило Гавлика), которые, естественно, сложились гораздо раньше.

Предложенный диахронический контекст заставляет автора несколько модифицировать формулу изменения, введя хронологическое запаздывание ее правой, регрессивной части. Конкретный состав последней также подвергается уточнению. Лант сравнивает 4 варианта: 1) /+гласный/; 2) /+высокий, —задний/ /—высокий/; 3) /—высокий/; 4) /—высокий, +задний/. Предпочтение отдается варианту 3 как самому простому (с. 26; 73, примеч. 81). Однако фонетическое обоснование неблагоприятности позиции допускается — без особой уверенности — только для \bar{y} : влияние поверхностной огубленности, подобное переходу *eu* → *au* в *новъ* (с. 27). Более того, с точки зрения соответствия материалу варианты 2 и 3 абсолютно равноправны, а 4 отличается от них только трактовкой вокатива в склонении основ на *-ѣ-*; позиции перед \bar{i} , \bar{e} реально не представлены.

Но именно трактовка вокатива оказывается существеннейшим звеном в концепции автора: допустимость БП перед *e* требует предшествования ее относительно ШП и расширения правила ШП на результаты БП (с. 27). Следует отметить, что последнее допущение отнюдь не является инновацией: именно с перехода $\bar{y} \rightarrow \bar{c}$ начиналось описание отношений между результатами БП и ШП [4].

С пересечением БП и ШП связано применение двухступенчатой модели палатализации, которая (опять приходится добавить за автора) была разработана

в общем виде И. А. Бодуэном де Куртэ и Е. Куриловичем [5, 6]. На основании этой модели строится последовательность процессов: 1) $K \rightarrow \acute{K} (\acute{C})$ после $\tilde{i} (N)$ перед \tilde{e}, \tilde{a} ; 2) $K \rightarrow \acute{K}$ перед \tilde{e}, \tilde{i} ; 3) $\acute{K} (\acute{C}) \rightarrow \check{C}$ перед \tilde{e}, \tilde{i} .

Существенная деталь: в отличие от Куриловича, который убедительно обуславливает ассимиляцию палатализованных заднеязычных их фонологизацией, Г. Лант вынужден отнести фонологизацию к более позднему времени. Это делает схему, особенно расщепление позиционного варианта и частичное слияние его с другим позиционным вариантом, фонологически сомнительной (с. 28).

Третий цикл исследования (с. 29—38) — анализ диалектных данных в связи с проблемой абсолютной хронологии БП. Греч. топоним *Gardiki* (= *Градъцъ*), возводимый к VII—VIII вв., трактуется как регулярный продукт БП, сужения гласных в конечном закрытом слоге, перелогосовки, отпадения конечного согласного. Напротив, греч. *Abarikos* отождествляется не с *аворъцъ*, но с *аворъникъ* (отражение алб. *rn* → *r*). В итоге автор констатирует для указанного времени на Балканах прочно сформированную триаду $k - c (\acute{k}) - \check{c}$ (с. 29). Нельзя сказать, что эта трактовка убедительнее, чем традиционная (М. Фасмер): фиксация незавершенного процесса; ср. обычную передачу греками славянских аффрикат через «тау + сигма» (с. 75, примеч. 91).

Беглый обзор передачи славянских топонимов баварскими и романоязычными писцами позволяет автору предполагать наличие *c* для альпийского ареала в IX в. (с. 29—30), что, впрочем, отнюдь не противоречит традиционной поздней датировке БП.

Как известно, восточнославянский материал дает серьезные основания считать обе свистящие палатализации в северной части ареала ограниченными или вообще недействительными. Г. Лант допускает такое мнение только для СП, которую считает очень поздней. Случаи отсутствия БП отклоняются способами, проанализированными выше: русск. *стега, ни зги* — как обратные дериваты от *стежка, *здѣѣ* (местн. ед.). подобно *фляга* — *фляжка* (с. 31—32); германизмы *варягъ, Бураги, Кълябги, шылягъ, серья* (?) — как поздние (иногда вторичные) заимствования (с. 32—33).

Для особенно затруднительных *нелъга, польга* предлагается целый ряд возможных объяснений: гиперкоррективные написания, семантическая связь с корнем *ль-* и, наконец, крайняя малочисленность лексем со звонким заднеязычным, подлежащих БП, которая активизировалась здесь только с появлением упомянутой группы германизмов (с. 35; 80, примеч. 120). Думается, именно в последнем случае автор ближе всего к истине, но для *баба-яга* предлагается уже «какой-то аффективный фактор» или балтийское влияние.

Мнению о неучастии в БП фонемы *x*, помимо малочисленности соответствующих примеров, а также неформальности

(по мнению Ланта) этой фонемы в раннепраславянском, благоприятствует и противоречивость парадигмы местоимения *въсь*: наличие форм с «твердыми» *ѳ*-флексиями. Если эти формы исконные (а их обнаруживает и парадигма *сиць*), то БП определенно следовала за СП. Автор противопоставляет этой трактовке абстрактный тезис о большей склонности местоимений к инновациям, чем к сохранению архаизмов. Однако именно «незаконная» мягкость основы в *сь* (п.-е. **ki-*), на которую он ссылается, как раз настолько проблематична, что не позволяет присоединиться к столь сильному утверждению. Вообще говоря, нет достаточных оснований приписывать местоименным аномалиям какой-либо определенной характер. Нельзя признать удовлетворительной и ссылку на неясность этимологии, которой отводятся свидетельства почти полной парадигмы *въхъ* в древненовгородском диалекте (с. 36—37).

В конце концов автор справедливо заключает, что убедительных данных для абсолютной хронологизации нет; допуская дату II—III вв., он сам подчеркивает ее произвольность; с несколько большей уверенностью III и СП приурочиваются к VI—VIII вв. (с. 37—38).

В четвертом цикле исследования (с. 41—56) подвергается систематическому пересмотру целый комплекс смежных с БП праславянских явлений. Следует отметить, например, весьма удачный анализ процесса сатемизации, проходящего стадию аффрикат (с. 43; 82, примеч. 132), объяснение рефлексии *ai* → *i* через сужение гласных в конечных закрытых слогах. Здесь же уточняется структура славянского глоттогенеза: БП прикрепляется к эпохе перехода от позднеиндоевропейского («дославянского») состояния к раннепраславянскому («протославянскому»).

Как видим, содержание рецензируемой книги гораздо шире ее названия. Точно так же она приводит к выводам, более общим, чем конкретные результаты исследования. Virtuозный, исчерпывающий позиционный анализ, предпринимаемый Г. Лантом, отчетливо показывает границы применимости чисто синтагматического подхода к фонологическим изменениям. Представляется, что столь значительное сужение описываемого материала и количество пересматриваемых этимологий (не всегда обоснованно) — слишком дорогая цена за чистоту формулы. Становится еще более очевидной необходимость привлечения парадигматических факторов, анализ взаимодействия двух основных языковых осей. Аналогичная ситуация складывается и для используемых Г. Лантом типологических обобщений, которые явно нуждаются в уравновешении системными факторами.

Вряд ли может способствовать такому обогащению теоретического аппарата генеративная модель языка, «фонологический компонент» которой безразличен не только к понятию оппозиции (а тем самым, и фонемы), но и к конкретной языковой реальности вообще. Работа Г. Ланта демонстрирует неизбежность

модификации этой модели в диахронических исследованиях, даже сугубо синтагматических. Так, наряду с критикой «фонетического реализма таксономической лингвистики» (с. 6—7, 14), автор вынужден существенно, по сравнению со старославянской моделью 1974 г., приблизить исходные репрезентации к поверхностным (с. 15). Неоднократно отмечается эволюционная активность поверхностного уровня (с. 27; 64, примеч. 40).

Г. Лант подчеркнуто не злоупотребляет специфической символической и способом изложения, стремится к общепонятности и общепонятности. Нельзя не признать, что во многом это ему удается благодаря последовательности и цельности аргументации. Между тем аргументация эта образует прочно замкнутый логический круг: генеративный анализ дает позиционное решение, которое приводит к ранней датировке, облегчающей ограничение материала, в свою очередь, это последнее облегчает позиционное решение, а оно уже, наконец, «дает доказательства ценности этого подхода» (с. 5—6). Обеспечить анализ причинно-следственных связей и специфического механизма частных процессов может только выход за пределы такого круга к обобщающей модели праславянской фонологической эволюции.

Предшественник Ланта Р. Ченнон [7] обосновал схему БП—ШП—СП концепцией слогового сингармонизма, которая, однако, допускает и каноническую схему ШП—СП—БП. Последнее решение находит поддержку в концепции группового сингармонизма [8, 9]. При этом тезис о переходном, кризисном характере БП получает широкую трактовку, увязываясь с кризисом группофонемного строя в эпоху распада праславянской общности.

Уже в генезисе палатализации участвовали разнородные факторы: синтагматические (спорадические межслоговые взаимодействия); предшествующий высокий вокальный сегмент, близкий консонантной артикуляции), парадигматический (фонологизация продуктов СП) и, наконец, межкуровневый (морфемное притяжение в парадигмах, содержащих формы, смягченные по СП).

Решающей же для судьбы палатализованных форм стала морфемная организация языковых единиц, активизировавшаяся (после почти полного подавления) в той же кризисной ситуации. В частности, необходимым условием БП стало отсутствие перед задненебным морфемной границы, а содействующим, на что указывает (вслед за М. Халле и Т. Лайтнером) и Г. Лант (с. 15), — наличие границы после него. В конечном итоге сформировалась палатализация суффиксов и лишь в особых, исключительных случаях — корней (Лант говорит об этом на с. 18).

По всей видимости, продукты БП очень рано были ассимилированы морфологической, словообразовательной, лексической подсистемами языка. Ясно, что такое изменение не могло быть фонетически регулярным, последовательным. Для него необходима модель, сопрягающая максимально возможное число факторов (по сопрягающая их в определенном порядке: от внутренних к внешним).

Построение подобной модели предусматривает постоянное обращение к идейному запасу, накопленному предшественниками. Американская генеративистика недооценивает этот аспект научной работы, что нашло некоторое отражение и в рецензируемой книге. Не говоря уже об обзоре развития научных идей, в ней весьма ограничена система ссылок, нельзя признать объективным отбор литературы.

Тем не менее можно утверждать, что работа Г. Ланта, содержащая ряд нетривиальных общих идей и вызывающих интерес частных наблюдений, будет полезна не только сторонникам предлагаемых автором решений: научная полемика (если, конечно, она ведется по правилам) всегда плодотворна для обеих сторон.

Беляев Д. Д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lunt H. Old Church Slavonic grammar. 6-th ed. Hague, 1974.
2. Этимологический словарь славянских языков. Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 2. М., 1975, с. 123; Вып. 7. М., 1980, с. 55.
3. Дейтман П. М. Лексика старославянского языка. М., 1977. с. 14.
4. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 2. Aufl. Bd. 1. Wien, 1879. S. 276—277.
5. Бодуан де Куртене И. А. Два вопроса из учения о «смягчении», или палатализации в славянских языках. — Уч. зап. Юрьевск. ун-та, 1893, № 2, с. 7—8.
6. Kurylowicz J. Probleme der indogermanischen Lautlehre. — In: 2. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962, S. 109.
7. Channon R. On the place of the progressive palatalization of velars in the relative chronology of Slavic. The Hague — Paris, 1972.
8. Журавлев В. К. О внутренних причинах появления фонетических дублетов. — В кн.: Этимология. 1967. М., 1969. с. 116.
9. Беляев Д. Д. Конвергентно-дивергентные процессы в фонологических изменениях (на материале истории задненебных в праславянском языке): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1980, с. 16—17.